

ВАРИАТИВНОСТЬ НОРМЫ КАК ЕСТЕСТВЕННОЕ СВОЙСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА¹

© 2011 г. Л. П. Крысин

Вариативность литературной нормы – явление естественное, обусловленное как эволюционными процессами в языке, так и неоднородностью состава его носителей. Варианты одной и той же лексической единицы должны получать и получают отражение в нормативных словарях. В статье рассмотрены различные типы произносительных и акцентных вариантов, допускаемых современной русской литературной нормой (варианты могут различаться семантически, стилистически, зависеть от социальных, профессиональных и территориальных характеристик говорящих).

Variability of norms is a natural property of a standard language. Variants of a lexical unit are registered by normative dictionaries. This report contains a classification of phonetic and accent variants of the contemporary Russian standard language. These variants differ in semantic, stylistic, professional, social and local characteristics.

Ключевые слова: норма, литературный язык, узус, речевая практика, вариант, вариативность, кодификация.

Key words: norm, standard language, usual practice, variant, variability, codification.

Термин норма используется лингвистами в двух смыслах – широком и узком.

В широком смысле под нормой подразумевают традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых идиомов. В этом понимании норма близка к понятию узуса, т.е. общепринятых, устоявшихся способов использования данного языка. Так, можно говорить о норме применительно к территориальному диалекту: например, нормальным для севернорусских диалектов является оканье, а для южнорусских – аканье. По-своему нормативен и любой из социальных или профессиональных жаргонов: например, то, что используется в торговом аргументе, будет отвергнуто как чуждое теми, кто владеет жаргоном плотников; устоявшиеся способы использования языковых средств существуют в армейском жаргоне и жаргоне музыкантов-“лабухов”, и носители каждого из двух этих жаргонов с легкостью отличат чужое от своего, “нормального”, и т.д.

В узком смысле норма – это результат целенаправленной кодификации языка. Такое понимание нормы неразрывно связано с понятием

литературного языка, который иначе называют нормированным, или кодифицированным². Территориальный диалект, городское просторечие, социальные и профессиональные жаргоны не подвергаются кодификации, и поэтому к ним не применимо понятие нормы в узком смысле этого термина. Одним из первых в лингвистической науке двойное понимание нормы (дескриптивное: то, как *говорят*, как *принято* говорить в данном обществе, и прескриптивное – как *надо*, как *правильно* говорить) выдвинул уругвайский лингвист Э. Косериу: в широком смысле «норма соответствует не тому, что “можно сказать”, а тому, что уже “сказано” и что по традиции “говорится” в рассматриваемом обществе» (см. [3, с. 175]), а в узком смысле норма – результат целенаправленной деятельности общества по отбору и фиксации определенных языковых средств в качестве образцовых, рекомендуемых к употреблению. Близкое к этому понимание нормы можно найти и в работах представителей Пражского лингвистического кружка (например, Б. Гавранка, А. Едлички).

Получается, что, говоря о некодифицированных сферах языка, мы можем употреблять терми-

¹Статья написана на основе доклада, прочитанного автором на 42-х Виноградовских чтениях (Москва, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 20 января 2011 г). Доклад и статья подготовлены в рамках проекта № 10-04-00275а, финансируемого Российским гуманитарным научным фондом.

² В западной лингвистической традиции принят термин “стандарт”; из отечественных языковедов этот термин предпочитал употреблять Е.Д. Поливанов (см., например [1]). Некоторые современные исследователи считают, что термин *стандарт*, или *стандартный язык*, более точно соответствует сущности того, что принято называть литературным языком – см., например [2, с. 220].

ны “узус” и “норма” безразлично: то, как принято говорить, скажем, на данном диалекте, – это языковой обычай, узус, но это и диалектная норма, отличающая его от других диалектов³. Однако относительно кодифицированной подсистемы, какой является литературный язык, такое безразличие в использовании терминов “узус” и “норма” явно не оправдано: одно дело, как предписывают употреблять языковые средства словари и грамматики (норма), и другое – как в повседневном речевом общении следуют этим предписаниям носители литературного языка (узус, речевая практика). Несовпадение нормативных предписаний и речевой практики более или менее очевидно, и современная устная и письменная речь предоставляет нам массу примеров такого несовпадения (см. об этом в книге [5]).

Из сказанного следует, что применительно к литературному языку полезно различать три сущности: с и с т е м у – как набор возможностей, предоставляемых языком для выражения тех или иных смыслов, н о р м у – как совокупность правил отбора таких способов и средств выражения (возможных в системе данного языка), которые приняты в данном обществе в данное время и которые признаются большинством говорящих наиболее пригодными для использования в тех или иных коммуникативных ситуациях, и у з у с, или р е ч е в у ю п р а к т и к у.

При этом в понятии нормы надо иметь в виду два указанных выше смысла – широкий и узкий: 1) норма как результат традиции, как многолетний обычай использовать языковые единицы и их сочетания и 2) норма как результат кодификации, как совокупность предписаний, касающихся употребления языковых единиц.

Литературная норма объединяет в себе и языковую традицию и кодификацию, во многом основывающуюся на этой традиции. Тем самым литературная норма противопоставлена, с одной стороны, системе (не всё, что допускает языковая система, одобрено нормой), а с другой, – речевой практике (узусу): в речевой практике вполне обычны большие или меньшие отклонения как от традиционной нормы, так и от тех нормативных предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях.

³ Говоря о том, что не только литературный язык, но и местные и социальные диалекты имеют свою норму, то есть комплекс традиционно употребляемых средств (“узус определяет норму народного языка”), Б. Гавранек обращал внимание на то, что “отклонения от этого комплекса воспринимаются [носителями данного диалекта. – Л.К.] как нечто ненормальное, как отступление от нормы” [4, с. 339, 340].

Взаимоотношения языковой нормы и речевого узуса не всегда антиномичны, то есть не всегда имеют форму конфликта, разрешаемого непременно в пользу какой-то одной из сторон. Вариативность, сосуществование, с одной стороны, языковых средств, освященных традицией и закрепленных в норме путем ее кодификации, и, с другой, языковых средств новых, идущих из речевой практики также представляет собой форму взаимоотношений нормы и узуса.

Несмотря на то, что литературная норма, как это давно признано ее исследователями, строга и консервативна⁴, она допускает совместное функционирование вариантов одной и той же языковой единицы. Варианты могут различаться стилистически, узуально, могут зависеть от коммуникативных условий речи, относиться к речевой практике определенных социальных и профессиональных групп и т.д., но нередко случаи и свободного варьирования. И это не дефект литературного языка, его нормы, а вполне естественное явление: норма изменяется вместе с развитием языка (хотя темпы таких изменений медленней, чем темпы развития языка), и эти изменения, с одной стороны, отражаются в узусе в виде новшеств и сосуществующих вариантов, а с другой, получают ту или иную квалификацию при составлении нормативных грамматик и словарей: ср. пометы типа “доп.” (= допустимо), “разг.” (= разговорное), “прост.” (= просторечное), “проф.” (= профессиональное), “жарг.” (= жаргонное) и т.п.⁵

В процессе обновления нормы определенное значение имеет распространенность, частота того или иного новшества в речевой практике, хотя роль этого фактора нельзя преувеличивать: распространенной, массовой может быть и явная ошибка (ср., например, произношение типа *инцидент, беспрецендентный*, весьма часто встречающееся даже в публичной речи, в частности, у журналистов). А.Б. Шапиро полвека назад справедливо заметил: “Даже если девяносто процентов будут говорить *документ*, это не может стать литературной нормой”. Однако в случае не столь ярких отличий вновь появляющегося языкового факта от традиционно используемой языковой единицы новое может приобретать широкое распространение и получать признание у большинства говорящих, и обе формы – старая и новая – могут сосуществовать, иногда в течение

⁴ Ср. известное высказывание А.М. Пешковского: “Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет” [6, с. 55].

⁵ Ср. также различие старшей и младшей орфоэпической нормы и соответствующих фонетических вариантов в словаре [7].

относительно долгого времени, в пределах литературной нормы.

Современные словари и справочники дают обильные примеры вариативных произносительных и акцентных норм: *творо́г – твóрог, по средáм – по сре́дам, раку́рс – ра́курс, стáртер – стартёр, бу́ло[шн]ая – бу́ло[чн]ая, [дэ] зодора́нт – [д'э]зодора́нт, пре[т'э]нзия – пре[тэ]-нзия, [сэ]ссия – [с'э]ссия⁶; о редком явлении надо говорить *фено́мен* (ударение *феноме́н* не рекомендуется), а применительно к обладающему исключительными, редкими качествами человеку можно употреблять и ту, и другую акцентную форму [8, с. 599] (в живой речи произношение этого слова с ударением на втором слоге, по-видимому, большая редкость) и т.п.*

Постепенно один из вариантов вытесняет своего конкурента: например, ударение на первом слоге в слове *творог* и в дательном падеже множественного числа слова *среда* (*по сре́дам*) сейчас является статистически преобладающим среди носителей русского литературного языка, так же, как и произношение *бу́ло[чн]ая* (традиционное старомосковское произношение этого слова со звуко сочетанием [шн] характерно главным образом для речи москвичей; см. об этом более подробно [9, гл. 2]), акцентная форма *ра́курс* – по сравнению с ныне устаревшей (но до сравнительно недавнего времени единственно правильной⁷) формой *раку́рс*⁸.

⁶ Следует обратить внимание на такое свойство литературной нормы, как ее избирательность, особенно в сфере произношения: казалось бы, в одинаковых или в очень сходных фонетических позициях одни слова допускают одно произношение, а другие – иное. Например, сейчас уже почти никто не придерживается старомосковской нормы при произношении слова *шаги* ([шы]ги), но в словоформе *лошадей* звуко сочетание [шы] статистически преобладает над звуко сочетанием [ша]; слова *темп, тент* надо произносить с твердым [т], а при слове *тенор* “Орфоэпический словарь”, напротив, дает запретительную помету: “не: *тэно́р*”, и большинство говорящих по-русски с этим запретом, несомненно, согласится (так же, как и с запретом произносить твердый согласный перед [э] в словах *музей, шинель, пионер*).

⁷ В словаре-справочнике “Русское литературное произношение и ударение” под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова, изданном в 1960-м году, рядом с рекомендуемой акцентной формой *раку́рс* стоит запретительная помета: “не: *ра́курс*”. Ср. с современным “Орфоэпическим словарем русского языка” (М., 1997), где значится: “*ра́курс* и доп[устимо] устар[евающее] *раку́рс*”.

⁸ В ряде случаев рекомендации кодификаторов анахроничны: например, современный “Орфоэпический словарь” дает в качестве основных акцентных форм варианты *ке́та* и *лосо́сь*, тогда как в речевой практике явно преобладают формы с ударением на втором слоге: *ке́та* и *лосо́сь*.

В обновлении нормы, в ее изменении под влиянием речевой практики важна также социальная и культурная среда, в которой то или иное новшество получает распространение. В общем случае: чем выше “общественный вес” той или иной социальной группы, ее престиж в социуме, ее культурный уровень, тем легче иницилируемые ею языковые новшества получают распространение в других группах носителей языка (ср. понятия социального статуса, социального престижа и престижной языковой формы, используемые У. Лабовом при объяснении им фонетических изменений, – см. [10; 11, с. 225; 12, с. 323]). Однако обратное не всегда верно: то, что рождается в не-престижной, социально низкой и малокультурной среде, может сохраняться в этой среде, не выходя за ее пределы, но может – и нередко! – проникать в речь других социальных групп, в том числе и в речевую практику носителей литературного языка. Ср. замечание А.Д. Швейцера, основанное на анализе инновационных процессов в английском литературном языке и в английских диалектах: несмотря на сопротивляемость кодифицированного языка новшествам, идущим из субстандартных источников, «существует и противоположный путь распространения инноваций – “снизу вверх”, т.е. из субстандартных разновидностей языка в литературный язык. В результате этого процесса происходит сублимация субстандартных языковых форм и их закрепление в узусе, санкционируемом нормами литературного языка» [13, с. 74].

Варьирование языковых единиц в пределах нормы имеет несколько типов:

1) свободное: таково, например, вариативное произношение твердого или мягкого согласного перед [э] (ударным или безударным) в некоторых иноязычных словах: *пре[т'э]нзия – пре[тэ]-нзия, [сэ]ссия – [с'э]ссия, [дэ]зодора́нт – [д'э]-зодора́нт* и т.п.; вариативность ударения в словах *одновременно* (на третьем или на четвертом слоге), *угля́* и *у́гля*, *те́фтели* и *тефтéли*; вариативность некоторых падежных форм и личных форм глагола: *в мозгу* и *в мозге, чтят* и *чтут*, вариативность реализации категории синтаксической одушевленности в некоторых группах существительных, например: *вести в роман новые персонажи – новых персонажей; внедрять в производство новые роботы – новых роботов*;

2) семантически обусловленное: например, варьирование форм родительного падежа и партитива: *чая – чаю, сахара – сахару, коньяка – коньяку* и т.п., форм предложного и местного падежей: *(лежать) в снегу – в снеге (мало жи-*

вописности), на самом краю – на переднем крае; в круге света – в своем кругу и т.п., форм множ. числа в зависимости от значения слова: *тормо́за* (механизм) – *то́рмозы* (в работе), *учи́теля* (в школе) – *учи́тели* (о главах учений, научных или социальных теорий), *сыно́вья* (в семье) – *сыны* (*сыны Отечества*) и др.;

3) стилистически обусловленное: *тракторы, инспекторы, прожекторы* (книжн.) – *тракторá, инспекторá, прожекторá* (нейтр. или разг.)⁹, в *отпуске* (книжн. или нейтр.) – в *отпуску* (разг.), *тропою* (устар.) – *тропой*;

4) профессионально обусловленное: *ко́мпас* – *ко́мпáс* (в речи моряков), *се́йнеры* – *сейнерá, разбивка* – *разбиение* (второе – в научной речи; при общем для обоих слов значении ‘распределение чего-л. по группам, классам’)¹⁰;

5) социально обусловленное: *по средáм* (главным образом, в речи интеллигенции старшего поколения) – *по сре́дам* (в речи молодого и среднего поколений независимо от социальной принадлежности), *бры[ж’:]ет* (в речи московской интеллигенции, преимущественно старшего поколения) – *бры[ж:]ет*, (в речи других групп носителей современного литературного языка) и др.;

6) территориально обусловленное. Этот тип варьирования литературной нормы признаётся далеко не всеми исследователями: например, Ф.П. Филин отстаивал единство и неварьируемость русского литературного языка на всей территории его распространения – см. [14]. Однако языковая действительность расходится с этой точкой зрения на литературную норму. Исследования последних десятилетий убедительно показали, что русский литературный язык существует в определенных локальных вариантах, характеризующих главным образом фонетику, акцентуацию, интонацию, а также словоизменение и лексику (единицы других сфер языка подверже-

ны варьированию в меньшей степени). Так, для речи интеллигенции таких городов, как Вологда, Пермь, Красноярск, Тобольск и нек. др., характерна меньшая, чем в “столичной” норме, редукция гласных в неударных (особенно в заударных) слогах; в речи носителей литературного языка, живущих в городах к югу от Москвы, встречается [ʏ] фрикативный на месте [г] взрывного; у носителей литературного языка, живущих в Москве и Санкт-Петербурге, наблюдаются различия в использовании наименований одних и тех же объектов, а также некоторые акцентные особенности, и т.п. (см. об этом, например, в работах [9; 15–22]).

Самым “слабым звеном” среди этих шести групп вариантов, допускаемых литературной нормой, является первая группа: свободная вариативность постоянно испытывает давление со стороны нормы, которая в принципе неохотно допускает функционально не оправданную дублетность языковых единиц (ср. основанное на этом свойстве нормы определение М.В. Пановым понятия литературного языка – в [23, с. 56]). Срок существования ничем не обусловленных, “функционально не нагруженных” вариантов в литературном языке относительно короток: такие варианты постоянно “растаскиваются” в другие группы, где вариативность определяется теми или иными условиями коммуникации. Например, акцентная вариативность слова *творог* имеет отчетливо выраженную тенденцию перейти в другой тип варьирования – социально обусловленный: *творо́г* предпочитают говорить преимущественно представители интеллигенции старшего поколения, а *тво́рог* – вариант более молодой и социально слабо маркированный; похожая тенденция в распределении акцентных вариантов слова *щавель* (ударение на первом слоге – более молодое и, возможно, еще просторечное, но широкоупотребительное¹¹, а *щаве́ль* отмечается преимущественно в речи интеллигенции старшего поколения).

В целом сосуществующие в литературном языке варианты функционально и коммуникативно подвижны: их использование зависит от сферы и стиля общения, от социальной и профессиональной принадлежности говорящего, от его коммуникативных намерений (например, говорит ли он всерьез или хочет пошутить) и способности переключаться с одной манеры речевого общения на иную (например, с профессиональной речи на общелитературный язык) и от некоторых других факторов – см. об этом, в частности, в работах [5; 24].

¹¹ В “Орфоэпическом словаре” оно дается как неправильное.

⁹ В “Орфоэпическом словаре” эти формы даны без стилистических помет.

¹⁰ Не вполне ясными остаются критерии, на основании которых одни из профессионально маркированных вариантов могут рассматриваться “внутри” литературной нормы, а какие – за ее пределами. Ср., например, многочисленные образования форм множ. числа сущ. муж. рода с именительным на –á (-я): с одной стороны, это такие формы, как *взвода, (спасательные) плота, компрессора, шницеля* и под., которые, по всей видимости, не могут оцениваться как варианты литературной грамматической нормы, с другой, – *инспекторá, прожекторá, слесаря* и ряд других, которые в современных справочниках указываются как варианты соответствующих форм на –ы (-и) (*инспекторы, прожекторы, слесари*).

Вариативность нормы – явление естественное, обусловленное как эволюционными процессами в литературном языке, так и неоднородностью состава его носителей. Варианты одной и той же лексической единицы должны получать и получают отражение в нормативных словарях: см., например [7; 8; 25; 26; 27; 28]. Стремление же некоторых кодификаторов и лексикографов рекомендовать “безвариантную” норму расходится с языковой реальностью¹².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Поливанов Е.Д.* О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка // *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. С. 206–224.
2. *Шайкевич А.Я.* Введение в лингвистику. 2-е изд. М.: Academia, 2005.
3. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Прогресс, 1963. С. 143–343.
4. *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. Сб. статей / Составление, редакция и предисловие Н.А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. С. 338–377.
5. Современный русский язык: система – норма – узус / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2010.
6. *Пешиковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык // *Пешиковский А.М.* Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. С. 50–61.
7. *Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф.* Большой орфоэпический словарь русского языка. М., 2011 (в печати).
8. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы. Авторы: С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова. Изд. 6-е. М.: Русский язык, 1997.
9. Русский язык по данным массового обследования / Под ред. Л.П. Крысина. М.: Наука, 1974.
10. *Labov W.* The social motivation of a sound change // *Labov W.* Sociolinguistic Patterns. University of Pennsylvania Press. Philadelphia, 1972. Pp. 1–42.
11. *Лабов У.* О механизме языковых изменений // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 199–228.
12. *Лабов У.* Отражение социальных процессов в языковых структурах // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 320–335.
13. *Швейцер А.Д.* Роль инновационных и реликтовых элементов в формировании норм кодифицированного литературного языка // Языковая норма. Типология нормализационных процессов / Отв. ред. В.Я. Порхомовский, Н.Н. Семенюк. М.: Наука, 1994. С. 68–78.
14. *Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981.
15. *Парикова Н.Б.* О южнорусском варианте литературной речи // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 125–135.
16. *Чуркина К.И.* Эволюция произносительных норм в речи интеллигенции г. Красноярск. Автореферат дисс. канд. филол. наук. Новосибирск, 1969.
17. *Ерофеева Т.И.* Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь, 1979.
18. *Григорьева Т.М.* О социолингвистической обусловленности произносительной нормы в условиях диалектного окружения (на материале ассимилятивного смягчения согласных в современном русском языке). Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 1980.
19. *Игнаткина Л.В.* Территориальное варьирование русского литературного произношения (на материале гласных в речи информантов городов Вологды и Перми). Автореферат дисс. канд. филол. наук. Л., 1982.
20. *Жильцова Т.П.* Социолингвистическое исследование локальных особенностей русского литературного произношения (предударный вокализм в речи жителей г. Красноярск). Автореферат дисс. канд. филол. наук. Томск, 1987.
21. *Беликов В.И.* Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня. 3. Проблемы русской лексикографии / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2004. С. 23–38.
22. *Беликов В.И.* К типологии региональных семантических различий в русской лексике // Проблемы лексической семантики. Тезисы докладов международной конференции Девятые Шмелевские чтения (24–26 февраля 2010 года). М., 2010. С. 25–27.
23. *Панов М.В.* Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1. М.: Наука, 1966. С. 55–122.

¹² См., например: *Зарва М.В.* Русское словесное ударение. Словарь. М., 2001. Автор этого словаря считает соответствующим норме только один из сосуществующих вариантов. “Рекомендуя в качестве единственно правильного вариант *тра́кторы, -ов*, словарь навязывает языку самого конца XX в. норму едва ли не его первой четверти” [29, с. 274]. Столь же произволен выбор единственно правильных (с точки зрения составителя этого словаря) вариантов и в случае вариативных пар типа *блédны – бледнѣ, вкúсны – вкуснѣ, бóдры – бодры* и под.; *избу – избѹ, реку – реку́, доскам – доска́м* и под., которые в равной степени допускаются современной русской литературной нормой [29, с. 275].

24. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003.
25. Еськова Н.А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. М.: Русский язык, 1994.
26. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. 4-е изд., испр. и доп. М.: Русские словари, 2003.
27. Штудинер М.А. Словарь образцового русского ударения. М.: Айрис-пресс, 2004.
28. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. [6-е изд., испр. и доп.]. М.: ЭКСМО, 2005.
29. Еськова Н.А. Рецензия на книгу: Зарва М.В. Русское словесное ударение. Словарь. М., 2001 // Русский язык в научном освещении. 2004, № 1 (7). С. 272–276.